

Э.Б. Тайлор

Первобытная культура

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Э1

Э1 **Э.Б. Тайлор**
Первобытная культура / Э.Б. Тайлор – М.: Книга по Требованию, 2023. – 576 с.

ISBN 5-250-00379-6

Книга известного английского этнографа Э.Тайлора (1832-1917) посвящена вопросам происхождения и развития религии. Его теория рассматривает анимизм (веру в души и духов) как зародыш, из которого развились все религии. Несмотря на то что сегодня многие теории ученого отвергаются исследователями, его книга, содержащая огромный фактический материал, продолжает служить важным источником для изучения проблемы происхождения религии. Рассчитана на широкий круг читателей. Перевод с английского Д.А.Коропчевского, предисловие и примечания профессора А.И.Першица.

ISBN 5-250-00379-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

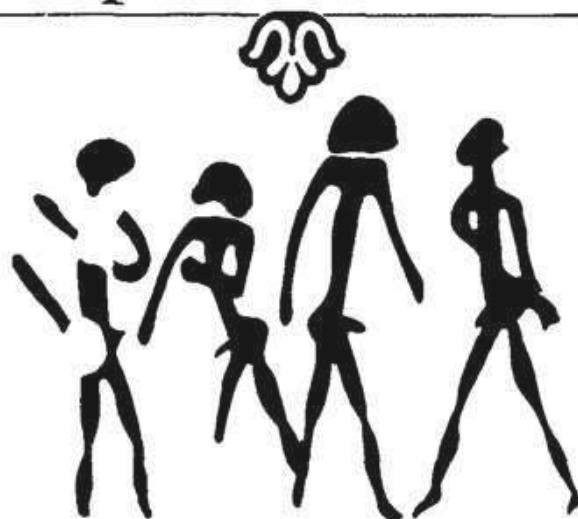
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие

Эдуард Бернетт Тайлор (в неточной старой русской транслитерации — Тэйлор) принадлежит к числу наиболее выдающихся этнографов и историков культуры XIX в. Особенно велик его вклад в тесно связанную с этнографией, а в прошлом нередко даже отождествлявшуюся с ней историю первобытного общества. Тайлор много сделал для понимания закономерностей развития первобытной культуры, методов ее изучения и воссоздания картины культурной, прежде всего религиозной, жизни первобытного человечества. Его исследования представляли тем больший интерес, что его деятельность развертывалась во времена формирования в этнографии ее первой — эволюционистской — научно-теоретической школы, и сам он был одним из основателей этой школы. Чтобы оценить вклад Тайлора в этнографию и смежные с ней области знания, надо прежде всего понять, чем стал для них эволюционизм.

* * *

Вторая половина XVIII и особенно первая половина XIX в. были временем утверждения в науках о природе идей естественнонаучного эволюционизма в противоположность библейско-церковной креационистской догме о неизменяемости всего того, что возникло в результате божест-

венного акта творения. Одну за другой одержал эволюционизм блестящие победы в астрономии, геологии, физике, химии, биологии. Постепенно идеи развития проникали и в понимание человеческой истории. Так, уже в 1768 г. шотландский философ Адам Фергюссон разделил историю на эпохи дикости, варварства и цивилизации, различающиеся между собой характером хозяйства и степенью развития отношений собственности. Эти и сходные с ними взгляды некоторых его современников были развиты французскими философами-просветителями, в особенности Жаном Антуаном Кондорсе, попытавшимся более детально охарактеризовать устройство общества в каждую из трех основных эпох его истории. А в первой половине XIX в. такие идеи стали получать подтверждение в фактах первобытной археологии и палеоантропологии. В 1836 г. хранитель Национального музея древностей в Копенгагене Кристиан Юргенсен Томсен впервые обосновал археологическим материалом систему трех веков - каменного, бронзового и железного, а его ученик Йенс Якоб Ворсо создал метод относительной датировки археологических памятников. Вскоре французский археолог-любитель Буше де Перт выступил с сенсационным утверждением, что находимые при раскопках грубые каменные орудия труда принадлежат первобытному человеку, жившему в одно время с мамонтом, вымершим носорогом и другими ископаемыми животными. Приблизительно тогда же были найдены костные остатки самого этого человека вместе с остатками таких животных. Попытки церковников и клерикально настроенных ученых опровергнуть факты оказались безуспешными. Все это сделало возможным новый крупный шаг - применение эволюционизма к изучению человека и его культуры.

В наиболее широком плане такой шаг мог быть сделан в той области знания, которая давала представление не только о физической эволюции человека или об изменении орудий его труда, но и о развитии всего, связанного с человеком, - его самого, его общества, его культуры в целом. Полнее всего этим целям отвечала этнография. Она стала часто называться человековедением, антропологией, и в англосаксонских странах это обозначение всего комплекса человековедческих дисциплин сохраняется до сих пор. Отсюда же и второе название эволюционистской школы в этнографии - антропологическая школа. Но какое бы содержание ни вкладывали отныне в понятие этнографии и как бы она отныне ни называлась, с проникновением в нее эволюционизма она впервые обратилась к выявлению закономерностей, т. е. впервые стала наукой.

Наукой, но какой - естественной или гуманитарной? Этнографы-эволюционисты рассматривали свою науку как область естествознания, в частности биологии, пытались перенести в нее законы биологической эволюции, увлекались биологическими сопоставлениями, терминологией и т. п. Но понятно, что органичным это оказывалось только применительно к изучению физических вариаций самого человека, изучение же культуры или общества могло вестись лишь в рамках гуманитарного знания. Больше того, сама попытка перенести в этнографию принципы и методы естествознания имела очень односторонний характер. Как известно, существуют два понимания эволюции. В широком понимании эволюция - всякое развитие, любые, в том числе скачкообразные, изменения в природе и обществе, иначе говоря, противоположность неизменяемости. В узком понимании эволюция - только постепенные количественные изменения,

иначе говоря, противоположность качественным сдвигам, скачкам. Так вот, хотя этнографы-эволюционисты всячески подчеркивали, что они изучают культуру естественнонаучными методами, из естествознания они заимствовали не первое, а только второе понимание эволюции. Вопрос, почему это так произошло, исследован недостаточно, и здесь можно указать только на одну, самую общую причину.

Эволюционистская школа в этнографии складывалась тогда, когда широчайшее распространение получила позитивистская недооценка философии, а стало быть, и диалектики, трактовка ее как донаучной ступени в умственном развитии человечества.

Будучи приложением лишь второго понимания эволюции, названного В. И. Лениным мертвым¹, эволюционизм в этнографии, истории культуры, истории первобытного общества обладал не только сильными, но и слабыми сторонами.

Сильной стороной был прежде всего главный принцип всякого эволюционизма — противопоставление идее неизменяемости идеи развития. Он имел, в частности, и антибогословскую направленность: ведь по учению церкви человечество остается в основном таким, каким было создано богом. Сильными сторонами были также идеи единства человечества (хотя оно неверно объяснялось единством человеческой психики) и, как правило, прогрессивного характера его развития. Отсюда, в свою очередь, вытекала мысль о сравнимости человеческих обществ и культур независимо от расовых, географических и других различий. И отсюда же следовала обычная для эволюционистов широкая практика этнографических и культурно-исторических сравнений.

Слабые стороны эволюционизма проявлялись в упрощении им культурно-исторического процесса. Развитие культуры понималось только как постепенный и прямолинейный процесс изменения от простого к сложному, от низшего к высшему. Из верной идеи о единстве человечества делался неверный вывод о его единообразном развитии, т. е. развитии однолинейном, лишенном конкретно-исторической вариативности. В последовательно эволюционистском изложении культурная история человечества представлялась закономерной и целостной, но однообразной, монотонной, лишенной тех красок, которые придает всякому историческому развитию географическая, эпохальная, этническая и иная специфика. Исходя из культурного единообразия человечества, этнографы-эволюционисты могли ставить рядом факты из самых разных исторических эпох. Подчас это вело к скороспелым и произвольным построениям, что не раз ставилось в вину эволюционистам.

Со времени возникновения эволюционизма в этнографии прошло почти полтора столетия, и гораздо более совершенная современная этнографическая наука относится к нему гиперкритически. Эволюционизм часто называют не только однолинейным, но и плоским. Однако совершенно неправильно оценивать его сегодняшними мерками, а не мерками его времени. В третьей четверти прошлого века он сыграл огромную положительную роль, сделав возможным не просто описание статике, а исследование динамики культуры. Только с ним в этнографию пришел пусть еще примитивный, но все же историзм. Эволюционизм был пред-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

течей марксизма в этнографии. Можно сказать, что к середине прошлого столетия этнография была беременна эволюционизмом: недаром он практически одновременно возник в Швейцарии и Австрии, Германии и Франции, Англии и США¹.

* * *

Тайлор, один из первых и самый знаменитый из всех английских эволюционистов, родился в 1832 г. в лондонском предместье Кэмбервилл в семье пажобного промышленника-квакера. Его формальное образование ограничилось средним, да к тому же еще в квакерской школе: отец не послал его в колледж, так как собирался сделать своим преемником. Но жизнь рассудила иначе. Когда 23-летнего Тайлора отправили для поправки здоровья в Америку, он познакомился на Кубе с банкиром Г. Кристи, любителем древностей и меценатом, и под его влиянием проникся интересом к археологии и этнографии.

Вернувшись через два года в Англию, Тайлор занялся самообразованием. Он изучал этнографическую литературу, тогда уже довольно значительную, и древние языки — латинский, древнегреческий, древнееврейский, без которых нельзя было обратиться ко многим историческим первоисточникам. Тогда же он женился на состоятельной женщине, что избавило его от забот о хлебе насущном и позволило совершить несколько путешествий по Европе и Америке для ознакомления с их музеями.

Публиковать свои научные труды Тайлор начал в 1861 г., когда вышла в свет его первая, еще незрелая работа «Анахуак, или Мексика и мексиканцы, древние и современные», обязанная своим появлением длительному путешествию с Кристи по Мексике в 1856 г. Четыре года спустя появился другой, вполне серьезный для того времени труд Тайлора — «Исследования в области древней истории человечества». В нем уже проводятся основные, и притом преимущественно конструктивные, идеи эволюционизма в этнографии: прогресс человеческой культуры от эпохи дикости через варварство к цивилизации; различия в культуре и быте отдельных народов объясняются не расовыми особенностями, а неодинаковостью достигнутых ими ступеней развития; культурные достижения могут быть самостоятельно изобретены, унаследованы от предков или заимствованы у соседей. Еще через четыре года был закончен и в 1871 г. опубликован основной труд Тайлора, прославивший его имя, — «Первобытная культура». О нем мы несколько позже скажем особо. Наконец, после более значительного перерыва, в 1881 г., вышла в свет последняя книга Тайлора «Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации)». Это нечто вроде популярного общего руководства, учебника по истории первобытного общества и этнографии, где охватывается все: происхождение человека, расовая и языковая классификация человечества, материальная и духовная культура, общественное устройство. Правда, такой широкий охват достигнут в значительной мере за счет научного уровня книги, значительно уступающего уровню предыдущего

¹ Подробнее об эволюционизме в этнографии см.: Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Куббель Л. Е. Становление первобытной истории как науки. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблема антропогенеза. М., 1983; Зельнов И. Эволюционизм. Свод этнографических понятий и терминов. — Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.

исследования - «Первобытной культуры». Показательно само название книги - «Антропология», о значении которого уже говорилось. Можно думать, что именно авторитет Тайлора сыграл немалую роль и в наименовании эволюционистской школы в этнографии антропологической школой, и в традиционном для англосаксонских стран обозначении наук о человеке как антропологии.

Авторитет этот был очень велик. Не только в книгах, но и в многочисленных статьях (общее число их превышало 250) Тайлор проявил свой яркий талант, блестящую эрудицию, скрупулезную научную добросовестность и писательский дар. В отличие от многих своих предшественников и современников, он придавал значение не только выводам, но и тем методам, с помощью которых они были сделаны. В ряде случаев он показал пример комплексного использования данных этнографии, археологии, фольклористики и других смежных дисциплин. Он поражал воображение множеством и разнообразием фактических данных, которыми подкреплял свои утверждения. Поэтому неудивительно, что уже в год выхода в свет «Первобытной культуры» Тайлор был избран членом Королевского общества — этой британской академии наук. Впоследствии он получил за научные заслуги дворянство, стал сэром Эдуардом Тайлором.

Очень высоко ценили Тайлора и зарубежные коллеги. Достаточно сказать, что крупнейший русский исследователь первобытности первой половины нашего века А. Н. Максимов, вошедший в историю науки как строгий критик и великий скептик, считал Тайлора наиболее значительным этнологом XIX столетия. Это, разумеется, небесспорно, так как современником Тайлора был другой великий этнограф-эволюционист — Льюис Генри Морган, который самостоятельно близко подошел к марксистскому пониманию истории. Но оценка Максимова говорит о многом.

Первую официальную должность Тайлор занял в возрасте уже пятидесяти с лишним лет, став в 1883 г. хранителем Этнографического музея при Оксфордском университете. Он же и был фактическим создателем этого музея, образованного на основе собраний встретившегося ему на пути богача — коллекционера и археолога, генерала и члена Королевского общества Огастеса Лейн-Фокса (позднее он принял фамилию двоюродного деда — Питт-Риверс, под которой и известен в науке). Как и Тайлор, Питт-Риверс был эволюционистом. Он приобрел известность тем, что первым стал располагать свои экспонаты (главным образом оружие) по их функциям и по нарастающей от простого к сложному. Вероятно, Тайлор сыграл известную роль в том, что Питт-Риверс пожертвовал эти эволюционные ряды вещей Оксфордскому университету. Как хранитель музея, Тайлор вел не только исследовательскую, но и популяризаторскую работу, выступал с лекциями и докладами. В 1884 г. он был назначен лектором по антропологии Оксфордского университета, в 1886 г. — доцентом Абердинского университета. Тайлор собрал вокруг себя значительную группу единомышленников и учеников. Все это подготовило создание в Оксфордском университете кафедры антропологии, первым профессором которой в 1896 г. стал Тайлор. Дважды он занимал видный пост президента Антропологического института Великобритании и Ирландии. По существу, он сделался признанным главой английской школы эволюционизма в этнографии и оставался им до 1907 г., когда вынужден был из-за душевной болезни прекратить всякую науч-

ную деятельность. Умер Тайлор в 1917 г. в городке Веллингтоне в Средней Англии¹.

* * *

«Первобытная культура» начинается с изложения того, как автор понимает предмет своего исследования. Культура здесь — это только духовная культура: знания, искусство, верования, правовые и нравственные нормы и т. п. И в более ранних, и в более поздних работах Тайлор трактовал культуру шире, включая в нее по меньшей мере также технику. Надо отметить, что он, как и его современники, не стремился к точным дефинициям. В гуманитарные науки они пришли позднее, заодно почти вытеснив живость и увлекательность изложения, так органически свойственную большинству работ прошлого.

Далее следует предлагаемое Тайлором понимание эволюционизма в науке о культуре, его «кредо» эволюционизма. «История человечества есть часть или даже частичка истории природы», и человеческие «мысли, желания и действия соотносятся с законами столь же определенными, как и те, которые управляют движениями волн, сочетанием химических элементов и ростом растений и животных». К числу важнейших из этих законов относятся, с одной стороны, «общее сходство природы человека», с другой — «общее сходство обстоятельств его жизни». Действием этих причин объясняется единство человечества и единообразие его культуры на сходных ступенях развития. В то же время эти ступени являются стадиями постепенного развития, и каждая из них — не только продукт прошлого, но и играет известную роль в формировании будущего. «Даже при сравнении диких племен с цивилизованными народами мы ясно видим, как шаг за шагом быт малокультурных обществ переходит в быт более передовых народов, как легко распознается связь между отдельными формами быта тех и других». Таким образом, все народы и все культуры соединены между собой в один непрерывный и прогрессивно развивающийся эволюционный ряд. Особо подчеркивается постепенный характер этой эволюции: «новейшие исследователи» сходятся с Лейбницем (и, стало быть, расходятся с некоторыми другими философами и естествоиспытателями) в том, что «природа никогда не действует скачками».

Некоторые из этих положений сопровождаются оговорками, показывающими, что автор «Первобытной культуры» был проницательнее других своих единомышленников. Он как бы предвидел по крайней мере часть тех возражений, которые встретят эволюционистские идеи позднее, в XX столетии. В частности, он понимал, что в культуре много не только общечеловеческого, универсального для одних и тех же стадий развития, но и специфического для отдельных народов. «Хотя обобщение культуры известного племени или народа и отбрасывание индивидуальных особенностей, из которых она состоит, не имеют значения для окончательного итога, однако мы должны отчетливо помнить, из чего складывается этот общий итог». Те, кто не видит деревьев из-за леса, не лучше тех, кто не видит леса за деревьями. Эта мысль Тайлора вполне отвечает концепции нашей современной этнографии — изучать и общее, и особенное в культуре народов.

Понимал Тайлор и то, что эволюция культуры — это не только ее са-

¹ Наиболее полные биографические данные см.: *Marett R. R. Tylor, L. et al.*, 1936 (*Modern Sociologists Series*).

мостоятельное, независимое развитие, но и результат исторических воздействий и заимствований. «Цивилизация есть растение, которое чаще бывает распространяемо, чем развивается само». Позднее именно эта идея была поставлена во главу угла этнографами-диффузионистами в их борьбе против эволюционизма. Проблема до сих пор остается во многих своих конкретных решениях спорной, но в современной, исторически ориентированной этнографии преобладает стремление преодолеть обе крайности.

Наконец, Тайлор отдавал себе отчет в том, что культурное развитие совершается не так уж прямолинейно. Он подчеркивал сложность и неоднозначность ценностного, аксиологического сопоставления культурных достижений, которые только «по общему смыслу фактов» позволяют признать, что варварство опередило дикость, а цивилизация — варварство. На ряде примеров он показал, как «неопределенны должны быть выводы из этих общих и приблизительных оценок культуры», и тем самым предвосхитил идеи еще одного антиэволюционистского направления в позднейшей этнографии, культурного релятивизма с его тезисом о несопоставимости и равноценности всех культур. Культурный релятивизм несовместим с признанием исторического прогресса, за что подвергся сокрушительной критике и у нас, и за рубежом, но все же мы в известной мере отдаем должное его рациональному зерну — уважению к культурному достоянию всех народов.

Таким образом, концепции классического эволюционизма в этнографии развиваются в «Первобытной культуре» с определенными оговорками. Эти концепции сформулированы здесь не так жестко, как в работах многих других эволюционистов, да и в предыдущей книге Тайлора «Исследования в области древней истории человечества». Все же и в «Первобытной культуре» автор не пошел дальше подобных оговорок. Для Тайлора как эволюциониста важнее всего было показать культурное единство и единообразное развитие человечества, и, преследуя эту главную цель, он нечасто оглядывался по сторонам.

Большое внимание уделено в «Первобытной культуре» теоретическому обоснованию прогресса в культурной истории человечества. Вопрос этот в те времена не был академическим. Согласно креационистской концепции богословов люди были сотворены уже с определенным (и немалым) уровнем культуры: сыновья Адама занимались земледелием и скотоводством, их ближайшие потомки построили корабль-ковчег, пытались построить из обожженного кирпича Вавилонскую башню и т. п. Но если так, то откуда взялись дикие охотники и рыболовы? Чтобы объяснить это, креационисты в начале XIX в. стали утверждать, будто после акта творения история культуры пошла двумя путями: вперед по пути развития цивилизации и назад по пути вырождения, деградации, регресса. Вот эту-то теорию разоблачали с 1860-х годов многие эволюционисты, и активнее всех Тайлор.

Нередко приходится читать, что, так как в те времена учение церкви было частью идеологического истеблишмента и выступать против него приходилось с осторожностью, Тайлор делал это в мягкой, уклончивой форме. На самом деле он решительным образом выступил против обращения ученых к библейской традиции. «Не может не вызывать само по себе возражения стремление при исследовании вопроса о древнейшей ци-

визации основывать научное воззрение на «откровении» (т. е. на «священном писании».- А. П.). По моему мнению, было бы неизвинительно, если бы ученые, видевшие на примере астрономии и геологии печальные результаты попытки основать науку на религии, поддерживали такую же попытку в этнологии». Он привлек внимание и к тому, что даже обращение к «откровению» отнюдь не решает вопроса. «Можно заметить кстати, что учение о первоначальной цивилизации, дарованной будто бы человеку божественным вмешательством, вовсе не делает необходимым предположение, что эта первоначальная культура была высокого уровня. Защитники его вольны признать точкой отправления культуры любое состояние, какое им кажется наиболее вероятным». Этот-то дополнительный логический аргумент Тайлора и рассматривают часто неверно, как допущение возможности божественного вмешательства, уступку церковникам.

Отстаивая идею прогресса культуры и показывая его в своей книге, Тайлор, как и во многих других случаях, избегал таких крайностей, как полное отрицание возможностей регресса. Он указал на возможные причины попятного движения, привел ряд известных ему фактов культурной деградации. Но все это отнюдь не говорит о какой-то половинчатости его взглядов. Вопрос о соотношении прогресса и регресса в истории человечества Тайлор решал вполне однозначно. «Если судить по данным истории, то первоначальным явлением оказывается прогресс, тогда как вырождение может только последовать ему: необходимо ведь сначала достигнуть какого-то уровня культуры, чтобы получить возможность утратить его». И еще определеннее: «Вообще прогресс далеко преобладал над регрессом». Существенно, что, обосновывая этот тезис, Тайлор преодолел собственно эволюционистский подход к делу и указал на значение исторических контактов для сохранения «плодов прогресса». То, что где-либо достигнуто, широко распространяется, и таким образом затрудняется утрата культурного достояния человечества, даже если какая-то часть последнего это достояние утратила.

Прогресс одних и регресс других ветвей людского рода ранние идеологи расизма, сочетавшие свои идеи с идеями креационизма, связывали с неравенством человеческих рас. Автору «Первобытной культуры» чужд не только креационизм, но и расизм. Правда, в его книге нередки такие выражения, как «дикая раса» или «высшая раса», но здесь надо учесть, что в английском языке слово «раса» многозначнее, чем в русском, и совсем не обязательно имеет физико-антропологический, биологический смысл. Можно встретить в книге и такие высказывания, как, например, ссылка на «незначительное умственное различие между англичанином и негром», но здесь имеются в виду не расовые свойства, а достигнутые разными обществами уровни культуры. В целом же Тайлор достаточно четко сформулировал свою антирасистскую позицию. Он находит возможным и желательным «считать человечество однородным по природе, хотя и находящимся на различных ступенях цивилизации, и намерен показать, что «фазисы культуры мы вправе сравнивать, не принимая в расчет, насколько племена, пользующиеся одинаковыми орудиями, следующие одинаковым обычаям и верующие в одинаковые мифы, различаются между собой физическим строением и цветом кожи и волос». Так же однозначно подверг он сомнению цивилизаторскую роль белых европейцев. «Белый

завоеватель или колонизатор, хотя и служит представителем более высокого уровня цивилизации, чем дикарь, которого он совершенствует или уничтожает, часто бывает слишком дурным представителем этого уровня и в лучшем случае едва ли может претендовать на создание быта более чистого и благородного, чем тот, который им вытесняется».

От раскрываемого в книге тайлоровского понимания эволюционизма в этнографии неотделимы предлагаемые и применяемые здесь научные методы.

Подобно другим эволюционистам, Тайлор считал, что все явления культуры — материальные объекты, обычаи, верования и т. п. — составляют такие же виды, как виды растений или животных, и так же, как они, развиваются одни из других. Значит, историк культуры должен применять ту же методику, что и естествоиспытатель: систематизировать культурные явления по их видам, располагать эволюционными рядами — от более простых видов к более сложным и проследивать их прогресс — процесс постепенного вытеснения менее совершенных видов более совершенными. В этой методике самым неудачным было признание эволюционных рядов независимыми друг от друга. На деле все явления культуры так или иначе между собой связаны, должны изучаться системно, и только при таком изучении могут быть поняты движущие силы, пути и темпы их развития. Неверный общетеоретический подход предопределил неудачу эволюционистской методики Тайлора. Но в то же время он обосновал и применил несколько действенных исследовательских приемов.

Обратив внимание на повторяемость явлений культуры в пространстве и во времени («явления, имеющие в своей основе сходные общие причины, должны беспрестанно повторяться»), Тайлор первым широко и систематически обратился к сопоставлению таких повторяющихся явлений. Впоследствии этот прием получил название типологического сравнения и стал успешно применяться в рамках сравнительно-исторического метода. Сегодня он позволяет с большей или меньшей долей надежности моделировать по этнографическим данным явления первобытной культуры и привязывать их к определенным ступеням исторического развития. Но и Тайлору он давал уже немало: помогал соотносить между собой во времени сходные обычаи, верования и т. п., т. е. определять направление и стадии их развития, да и вообще судить о прошлом.

Те же возможности открывал и другой прием, связанный с введенным Тайлором в науку понятием «пережитки». Справедливости ради надо сказать, что пережитки в культуре были уже за десятилетие до выхода в свет «Первобытной культуры» выделены русским ученым К. Д. Кавелиным. Но его идея не получила широкой известности и не оказала влияния на европейскую этнографию. С Тайлором дело обстояло иначе: его книга была переведена на многие языки. Пережитком Тайлор называл «живое свидетельство или памятник прошлого», которые были свойственны более ранней стадии культуры и в силу привычки перенесены в другую, более позднюю стадию. В «Первобытной культуре» приведено много примеров пережитков, в том числе такие, как ручная прокидка челнока во времена уже механизированного ткачества, пожелание здоровья при чиханье — остаток веры в то, что через отверстия в голове могут войти или выйти духи, и т. п. Верный своему естественнонаучному подходу, Тайлор сравнивал пережиток с рудиментом в живом организме, но тут же,

выходя за рамки этого подхода, говорил о видоизмененных и о вновь оживших пережитках. Вскоре после смерти Тайлора вокруг понятия «пережиток» завязались острые теоретические споры, отголоски которых сохранились до нашего времени¹.

В «Первобытной культуре» Тайлор сожалел, что данные этнографии недостаточны для обращения к статистике. Однако позднее в своей последней значительной работе «О методе исследования развития учреждений»² он положил начало еще одному исследовательскому приему в этнографии -- использованию количественных, статистических данных для подсчета совпадений в распространении явлений культуры и суждения об их закономерной связи. Это был только первый и не давший признанных результатов подступ к новой методике, но в последние десятилетия, когда количественные приемы стали широко применяться, о нем подчас говорят как о наиболее заметном вкладе Тайлора в разработку методики науки.

* * *

Сделав больше всех других для создания концепции и методики эволюционизма в этнографии, Тайлор в «Первобытной культуре» заметно меньше сделал для непосредственного изучения этнографических объектов. Здесь значение его работы ограничилось в основном анализом первобытной мифологии и религии. Однако именно в этой последней области он оставил очень заметный след, создав первую развернутую теорию происхождения и развития религии, теорию, которая надолго утвердилась в науке.

Тайлор ввел в этнографию понятие «первобытный анимизм». Анимизмом (от латинских слов «анима» — душа или «анимус» — дух) он назвал веру в духовные существа, составившую первоначальный «минимум религии». По его мнению, первобытные люди, задумываясь о таких явлениях, как сновидения или смерть, заключили, что в каждом человеке имеется некая особая субстанция, душа, которая может временно или навсегда покидать свою телесную оболочку. Из представлений о связанной с человеком душе развились представления об отдельно существующих духах, ставших олицетворением природных стихий, растений и животных. Отсюда идет прямая линия к политеистическим представлениям о пантеоне богов, олицетворяющих силы природы, и, наконец, к монотеистической вере в единого бога.

Свою анимистическую теорию происхождения религии Тайлор проиллюстрировал впечатляющим сравнительным этнографическим и историческим материалом, призванным показать распространение анимизма на земном шаре и его эволюцию во времени. Он привел также немало фактов, свидетельствующих о связи анимизма с другими религиозными представлениями первобытности -- фетишизмом (верой в сверхъестественные свойства некоторых неодушевленных предметов) и тотемизмом (верой в тесную связь людей с их «родственником», которым может быть

¹ Подробнее см.: *Периц А. И.* Остаточные явления в культуре. -- Природа, 1982, № 10; *он же.* Достоверны ли свидетельства «современных предков»? -- Там же, 1984, № 2.

² *Tylor E. B.* On a Method of Investigating the Development of Institutions; Applied to Laws of Marriage and Descent. -- *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1889, vol. 18. Русский перевод: *Этнографическое обозрение*, 1890, № 2.